

**Дело о князе Урусове,
обвинявшемся в жестоком
обращении с своим сыном**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д29

Д29 Дело о князе Урусове, обвинявшемся в жестоком обращении с своим сыном
/ – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-17321-6

Стенографический отчет о заседании Костромского окружного суда 5-го
мая 1873 года.

ISBN 978-5-458-17321-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

конца. Не ограничиваясь тѣмъ, что онъ распродалъ тряпичникамъ и мальчишкамъ всякую одежду, которая для него нашивалась, онъ постоянно уходилъ изъ дому за сборомъ подаяннѣя, занимался мелкимъ воровствомъ и однажды, когда они жили за рѣкою Волгою, въ пригородной слободѣ, покусился имѣть блудъ съ собакою. Пронсшествіе это надѣлало тогда много шуму, такъ что ему, обвиняемому, съ трудомъ удалось не доводить дѣла до жалобъ. Не смотря, однако, на такое поведеніе сына, онъ окруженъ былъ возможною заботливостью какъ со стороны его, обвиняемаго, такъ и со стороны жены его, а Всеволода мачихи,—гнягини Маріи Урусовой. Одежда давалась ему сообразно времени года, ѣлъ онъ сытно и спалъ онъ на постели, снабженной всѣми нужными принадлежностями.

Между тѣмъ добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ данныя ни чѣмъ не подтвердили, чтобы Всеволодъ Урусовъ былъ такой испорченной нравственности, какимъ обрисовалъ его отецъ. Напротивъ изъ показанія свидѣтелей, знающихъ семейство Урусова издавна, выяснилось, что Всеволодъ Уру-

совъ мальчикъ добрый, ласковый, скромный и всегда услужливъ. Изъ за куска хлѣба онъ готовъ исполнить всякое порученіе и исполнить его вѣрно, но онъ забитый и, кажется, отъ этого тупоумный. Дурныхъ наклонностей ни кто за нимъ не замѣчалъ, воровствомъ онъ не занимался, а если и стащитъ кусокъ хлѣба, такъ развѣ съ голоду у себя дома. Чтобы продалъ онъ съ себя одежду — этого ни кто не видалъ. По объясненію свидѣтеля Сирина и быть этого не могло: если бы Всеволодъ продавалъ одежду, то остался бы голый, такъ какъ одежда его состояла только изъ рубахи и портовъ.

Наконецъ свидѣтели крестьянинъ Ахакинъ и полицейскій служитель Голубовскій, проживавшіе въ подгородной слободѣ въ одно время съ Урусовымъ и хорошо знающіе его семейство, удостовѣрили, что никогда такого случая не было, чтобы Всеволодъ Урусовъ, какъ говоритъ его отецъ, покушался на блудъ съ собакою. Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ выяснены слѣдующія данныя относительно ранней молодости Всеволода Урусова, жизни его въ родительскомъ домѣ и обращенія съ нимъ его отца.

Всеволодъ Урусовъ родился въ 1856 году и прижитъ Княземъ Кирилломъ Урусовымъ отъ перваго брака его съ дѣвицею Евдокіею Сытиною.

Вынужденная дурнымъ обращеніемъ мужа Княгиня Евдокія Урусова, вскорѣ послѣ рожденія сына, вмѣстѣ съ нимъ переѣхала къ отцу своему Сытину. Она передавала матери своей Вассѣ и сестрѣ Аннѣ Сытинымъ, какъ однажды мужъ ее выбросилъ ребенка Всеволода изъ колыбели, послѣ чего съ нимъ сдѣлался какой-то припадокъ. Послѣ рожденія сына, Княгиня Евдокія Урусова прожила еще не долго и умерла отъ чихотки въ частной больницѣ одного помѣщика, куда была принята изъ милости. Всеволодъ остался въ семействѣ Сытиныхъ, гдѣ пользовался хорошимъ уходомъ, какъ близкій родственникъ; но вскорѣ отецъ потребовалъ его къ себѣ. Во второй бракъ Кириллъ Урусовъ, какъ онъ самъ объясняетъ, вступилъ лѣтъ черезъ семь послѣ смерти первой жены. Изъ его показанія и показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей нужно предположить, что это было въ 1868 году. Родственникъ Урусовыхъ Коллежскій Регистраторъ

Ратьковъ, удостовѣряетъ, что съ этого времени онъ вынужденъ былъ прекратить всѣ сношенія съ Урусовыми, такъ какъ постоянное пьянство его и его жены были нестерпимы.

Самъ обвиняемый не отрицаетъ того, что онъ имѣетъ слабость къ горячимъ напиткамъ.

Въ 1869 году обвиняемый съ своимъ семействомъ, въ теченіи семи мѣсяцевъ, проживалъ въ домѣ крестьянина Ахапкина, которому, такимъ образомъ близко была известна жизнь Урусовыхъ. Ахапкинъ удостовѣряетъ, что трезвые дни составляли рѣдкое исключеніе въ ихъ жизни. Присмотру за сыномъ ни какого не было. Не смотря на зимнее время, вся одежда его состояла изъ рубашки и портовъ, заношенныхъ до того, что они покрывались вшами. Пища давалась ему самая скудная. Жаль было на него смотрѣть, какъ онъ голодный дрожалъ на морозѣ, а между тѣмъ князь постоянно посылалъ его въ кабакъ, и если онъ не приносилъ водки, билъ чѣмъ попало, сучковатой палкой, или даже полвномъ.

Для сна у Всеволода Урусова ни какой постельки не было; по выраженію свидѣтеля,

онъ спалъ, свернувшись въ клубокъ какъ собака. Таковую же характеристику жизненной обстановки Всеволода Урусова даетъ и свидѣтель Голубовскій, въ участкѣ котораго въ означенное время проживали Урусовы. Онъ удостовѣряетъ, что Всеволодъ Урусовъ, вынуждаемый голодомъ, собиралъ въ видѣ подаянія, куски хлѣба. Очень часто отецъ не пускалъ его къ себѣ ночевать. Не разъ случалось ему, свидѣтелю, встрѣчать Всеволода ночью на морозѣ полуодѣтымъ; а когда приводилъ его къ отцу, то отецъ билъ его чѣмъ попало. Однажды онъ поднялъ Всеволода въ полуокоченевшемъ состояніи подъ окнами его квартиры, а когда ввелъ въ комнаты, то отецъ пустилъ въ него полѣномъ. Проходя мимо ихъ квартиры, часто можно было слышать крики ребенка отъ наносимыхъ ему побоевъ. Такая жизнь постояльцевъ, объясняетъ Ахапкинъ, ему надоѣла и онъ отказалъ имъ отъ квартиры. Отъ Ахапкина Урусовъ, съ женой, сыномъ Всеволодомъ и приемышемъ жены, крестьянскимъ мальчикомъ Иваномъ Ефимовымъ, переѣхалъ въ городъ. Отсюда Всеволодъ Урусовъ не рѣдко прибѣгалъ къ дядѣ свое-

му Ратькову. По поводу этого Ратьковъ объясняетъ, что онъ всегда ужасался, какъ мальчикъ выдерживаетъ зимнюю стужу; приходилъ онъ всегда голодный и жаловался на постоянные побои, наносимы ему отцемъ. Иванъ Ефимовъ, повторяя изложенныя выше подробности, подтверждаетъ, что ихъ обоихъ князь билъ постоянно, но Всеволоду доставалось болѣе; побои наносились ему безъ всякой причины, бывало князь свяжетъ ему руки да и „дуетъ“.

Свидѣтельскими показаніями солдатики Александры Царевой, дьячка Василя Сирина и мѣщанки Татьяны Таракановой не менѣе характерно рисуется та жизнь, которую проводилъ Всеволодъ Урусовъ въ домѣ своего отца, терпя отъ него не только всевозможныя лишенія, но и подвергаясь побоямъ и истязаніямъ.

Означеннымъ лицамъ извѣстна была обстановка, окружавшая Всеволода Урусова, съ того времени, какъ они переѣхали изъ пригородной слободы: у Сирина и Таракановой Урусовъ нанималъ квартиру, а Царева сначала была у него въ услуженіи, когда же онъ купилъ свой домъ, то жила у не-

го постоялкой. По замѣчанію Сирина обращеніе отца со Всеволодомъ было до крайности возмутительное, а по словамъ Таракановой—его „просто тиранили“. Били его ежедневно безъ разбора; свяжутъ руки назадъ и дуютъ чѣмъ попало.—Иногда сутокъ по трое не кормили. Ласки отъ отца Всеволодъ ни когда не видалъ, а щипки и брань постоянно. Отъ побоевъ и стягиванья ремнемъ на рукахъ у мальчика оставались багровыя пятна: „Такъ не бьютъ и собаку, какъ били его“ прибавляетъ Сиринъ. Холодъ и голодъ онъ терпѣлъ постоянно; одежды у него никакой небыло а кормили всегда въ проголодь и за отдѣльнымъ столомъ.

Иногда мачиха, въ тихомолку отъ отца, сунетъ Всеволоду кусокъ хлѣба; но если Князь это замѣтитъ, то отнимаетъ хлѣбъ у ребенка и бросаетъ собагѣ. Питался вообще Всеволодъ, какъ питаются обыкновенно собаки: удастся у когонибудь урвать кусокъ хлѣба, такъ и ладно, а больше кормили его ради христа. Объ жизни Урусовыхъ,—прибавляетъ свидѣтель Сиринъ,—можно сказать одно, что еслибы все записывать, то не мало-бы пришлось исписать бумаги.

По единогласному отзыву всѣхъ свидѣтелей Всеволодъ Урусовъ отличается крайнимъ неразвѣтѣемъ какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, далеко не соответствующемъ шестнадцати-лѣтнему его возрасту. Такой отзывъ объ немъ подтвердился при самомъ бѣгломъ наблюденіи надъ нимъ въ то время, когда онъ помѣщался въ Полицейской части. Что касается его костюма, то въ означенное время онъ состоялъ изъ худой холщевой рубахи и такихъ-же портовъ, босикомъ, безъ пояса и даже безъ креста. Тѣло его грязное, какъ у послѣдняго нищаго уличнаго мальчишки.

18-го Октября Судебнымъ Слѣдователемъ были приглашены врачи, которые, по предъявленіи имъ Всеволода Урусова, пришли къ заключенію, что на видъ ему нельзя дать болѣе 10 или 11 лѣтъ и что онъ находится въ идиотическомъ состояніи. Врачи высказали мнѣніе, что если на основаніи добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ, и нельзя съ положительностью опредѣлить, есть-ли идиотизмъ Урусова природный или приобретенный, то, съ другой стороны, нельзя отрицать того, что еслибы воспитаніе его шло правиль-

вымъ порядкомъ, не сопровождалось жестокимъ обращеніемъ, нищенской обстановкой, скудностью средствъ въ защитѣ тѣла и въ надлежащему питанію, то идиотическое его состояніе вѣрнѣе должно было улучшиться и изъ Всеволода Урусова могъ бы образоваться полезный членъ семьи и общества.

„Сображая вышеизложенныя обстоятельства, говорится въ заключеніе обвинительнаго акта, нельзя не прійти къ тому заключенію, что вполнѣ доказанное жестокое обращеніе князя Кирилла Урусова съ своимъ сыномъ Всеволодомъ, тотъ рядъ насильственныхъ дѣйствій, которыя постоянно проявлялись въ обращеніи его съ сыномъ, соотвѣтствуютъ законамъ установленному понятію о преступленіи, именуемомъ причиненіемъ истязаній и мученій, подвергая его отвѣтственности по 1489. 1490 и 1492 ст. Улож. о наказ. (рѣш. Угол. Деп. Прав. Сен. 1869 года №№ 552 и 875). По сему отставной коллежскій регистраторъ Князь Кирилла Михайловъ Урусовъ, 48 лѣтъ, преданъ суду Костромскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Подсудимый во время производства предварительнаго слѣдствія по настоящему дѣлу содержался подъ арестомъ.

На обычный вопросъ *предсѣдателя* *), признаетъ ли онъ себя виновнымъ *подсудимый* отвѣтилъ: „могутъ ли представить основательные факты на это?“

Предсѣдатель. Я спрашиваю васъ объ одномъ, признаете ли вы себя виновнымъ или нѣтъ?

Подсудимый. Не признаю положительно ни въ чемъ.

Судебное слѣдствіе началось допросомъ сына подсудимаго, Князя Всеволода Урусова. Достаточно одного взгляда на его неловкія, угловатая движенія и на бессмысленное выраженіе его лица съ тою особенною улыбкою, которая свойственна только идіотамъ, чтобы убѣдиться, что вы имѣете предъ собою человѣка съ ненормальными умственными способностями. Онъ ни на минуту не остается въ спокойномъ положеніи: то озирается по сторонамъ, то потягивается, то опирается на столъ и шалитъ ногою, то почесываетъ въ затылкѣ

*) Предсѣдалъ членъ судъ в *Упирвицкій*, обвинялъ Товар. Прокурора *Чернявскій*, защищалъ Помощникъ присяжнаго повѣреннаго *Васильевъ*.